

Глава 11. Красавица.

Ранма вертела в руках пустой поднос, а в сердце ее звучала песня. Хана и девчонки так сильно опекали ее после драки, и она не могла припомнить случая, чтобы ее так принимали такой, какая она есть. Она призналась себе, что они не знают и части ее личности, и это будут неловкие разговоры, но пока она наслаждалась ощущением своей нужности. Она даже чувствовала себя достаточно комфортно в своем собственном теле, чтобы отважиться на лавандовый сарафан, который она нашла в шкафу, и не совсем потому, что все остальное, кроме платьев, было в прачечной. С тех пор как Изуми распустила ее волосы, она не заплетала их заново, и хотя во время драки это немного раздражало, она наслаждалась отсутствием постоянной головной боли от стянутых волос. Она заметно краснела, когда думала об этом, но это было почти - почти - мило.

– Эй, Ранко! Шестой столик!

Ранма подошла к бару, взяла три желтоватых коктейля и корзинку с жареными креветками и улыбнулась Юи. Юи тоже заулыбалась: так приятно было видеть, как бедная девочка улыбается. После их разговора накануне вечером она поняла, почему ей так редко улыбались. С тех пор как она побывала там, она стала казаться девчонкой-сорванцом, но она догадывалась, что после того, что, как она предполагала, случилось с Ранко, она тоже не чувствовала себя особенно женственной. Однако сегодня в ней чувствовалось несомненное сияние.

У Изуми был выходной, поэтому Ранма обслуживала столы сама, изредка помогая Хане. Она держалась неплохо, и даже для довольно медленного вечера четверга напитки подавались довольно быстро. На крошечной угловой сцене пели караоке, и хотя в большинстве случаев оно было довольно плохим, гости хорошо проводили время благодаря постоянному притоку смелости. Это означало постоянный приток денег в бар, и она была этому рада. Она взяла ручку, которую оставила за последним столиком, чтобы подписать чек по кредитной карте, и сунула ее в карман. Она также была рада, что у платья, которое она надела, есть карманы. Она не понимала, почему больше девушек не хотят носить платья с карманами - они же такие удобные!

Заметив, что гости затихли, Ранма начала складывать грязные стаканы в посудомоечную машину. На сцене грузный мужчина в деловом костюме закончил исполнять песню Мадонны и под вежливые аплодисменты сел за свой столик. Трио молодых женщин в одинаковых платьях - девичник, как они сказали Ранме, - вместе вышли на сцену и выбрали популярную японскую песню.

Ранма запустила посудомоечную машину, быстро осмотрела столы, не нужно ли кому-нибудь что-нибудь, и направилась в заднюю комнату, чтобы узнать, нет ли у Ханы для нее каких-нибудь заданий. Она нашла Хану в ее кабинете, просматривающей какие-то бумаги. Она выглядела обеспокоенной и очень занятой, так что Ранма решила, что лучше оставить ее наедине с работой. Она налила себе чашку газировки и на мгновение прислонилась к стене. Она почувствовала, как стена слегка вибрирует от басов, доносящихся из звуковой системы, расположенной впереди, и как они прекращаются, когда песня заканчивается.

– Кто следующий?! – обратилась Мэй к толпе через микрофон. – Давайте, кто-нибудь должен быть достаточно смелым, чтобы подняться и спеть для нас! – Было уже поздно, и все оставшиеся в баре посетители, вероятно, выпили слишком много, чтобы нести мелодию.

Мэй заглянула в заднюю комнату.

– Эй, Ранко, не могла бы ты прийти и помочь мне кое с чем?

Ранма ответила

– Конечно! – и, допив содовую, пошла в зал. Как только она подошла, Мэй с улыбкой повернулась к ней. – Что тебе нужно, Мэй?

Синеволосяя девушка ничего не ответила - она просто протянула Ранме небольшой цилиндр. Ранма опустила взгляд на ее руку, и глаза ее расширились.

– Нет. Ни за что.

Мэй приблизила микрофон в руке Ранмы к себе.

– Да ладно, я слышала, как ты недавно пела. Ты была великолепна!

Ранма покраснела.

– Но то было для себя, а это перед людьми, которые, типа, заплатили за то, чтобы быть здесь и все такое.

Мэй усмехнулась.

– Похоже, это твой первый концерт, рок-звезда.

Ранма энергично замотала головой.

– Я... я не могу, мне нужно позаботиться о своих столиках.

Мэй с озорной ухмылкой подхватила поднос Ранмы.

– Я сама. – Рыжая оглядела помещение в поисках оправдания - любого другого оправдания - но идеи быстро иссякли.

– Оставь ее, Мэй, – позвала Юи из-за барной стойки.

– Нет, Юи, ты не понимаешь, я слышала ее. Она потрясающая! – Ранма покраснела еще сильнее, когда Мэй заговорила, особенно когда поняла, что толпа слышит этот разговор через микрофон в ее руке.

Мэй потянула Ранму за запястье вверх, прихватив с собой стальной микрофон.

– Что скажете, ребята? Кто хочет послушать, как поет Ранко? – Громкие возгласы одобрения раздались из толпы, в основном пьяной, в ближайшей к сцене части бара; большинство столиков в дальней части, возле входной двери, все еще были сосредоточены на еде и разговорах.

Ранма думала, что потеряет сознание, если к ее лицу прильет еще хоть капля крови.

– Ты у меня получишь за это, Мей Хотаро, – насмешливо сверкнула она глазами на свою подругу. Однако, ступив на возвышение, она осторожно пошла в сторону сцены, помня о том, что на нее смотрят все. Мэй, управляя караоке-машиной с компьютера в углу бара, выбрала

песню, на исполнении которой она застала Ранму несколько дней назад.

Ранма смотрела на Мэй, как олень на фары, но та лишь ободряюще улыбнулась и тихо проговорила:

– У тебя получится. – Юи разлила текилу по четырем коктейльным бокалам на шесть счетов каждый. Заиграло вступление к песне, и Ранма тяжело сглотнула, радуясь, что выпила хоть что-то, чтобы побороть сухость во рту, которую пытались создать ее нервы.

Ранма глубоко вздохнула и закрыла глаза. Если она их не видит, то, возможно, и они ее не видят. Это было смешно, она знала, но это придало ей достаточно мужества, чтобы взять первую ноту. Голос ее был неуверенным и тихим, но она пробила первую строчку, затем вторую, и ей стало слышно, как стулья скребут по деревянному полу. Половина куплета, а я уже их прогоняю, подумала она про себя. Она открыла глаза, чтобы посмотреть на происходящее, но вместо этого обнаружила, что почти все столики в баре повернуты стульями к сцене. Разговоры за разными столиками в основном прекратились. Она снова покраснела, немного уменьшившись в росте от такого внимания. Когда первый куплет закончился, толпа, чувствуя ее волнение, одобрительно зааплодировала, и Ранма не могла не улыбнуться.

Ну и черт с ним, подумала она про себя. Я и так уже выставила себя на посмешище, как только могла, так что могу и повеселиться. Когда слова второго куплета начали менять цвет на мониторе караоке слева от Ранмы, она снова начала петь, на этот раз уже полным грудным голосом. Это была довольно медленная баллада, и ее голос призрачно звучал из динамиков по всему бару. Мэй остановилась за стойкой, а Юи отложила инструменты - ни у той, ни у другой не было клиентов, которые хотели бы обратить на них внимание в данный момент.

Когда Ранма запела припев, двери бара распахнулись, и из них появилась Хана, стоявшая в дверном проеме и опиравшаяся на арку. Сначала на ее лице отразилось любопытство, так как до ее кабинета доносились тихие звуки из бара, но как только она увидела, кто находится на сцене, и восторженное внимание своих посетителей, она с гордостью улыбнулась своей младшей подопечной. Мэй наклонилась к Юи.

– Я же говорила тебе, что она великолепна, – и Юи смогла лишь кивнуть в знак согласия. Ее глаза были прикованы к сцене.

Ее голос усилился для более мощного последнего куплета песни, и она добавила несколько небольших переходов в некоторых длинных нотах. Она все еще краснела, но уже широко улыбалась. Никто и никогда не восхищался ею за что-то, что не приводило к тому, что кто-то получал по заднице. Теперь же целый зал людей, для которых еще десять минут назад она была достаточно хороша только тем, что приносила им луковые кольца, был очарован ее голосом. Это было странно, славно, освобождающе и пугающе одновременно, и Ранма направила все эти эмоции на то, чтобы пропеть последнюю ноту песни, G4, которая длилась целых пять секунд. Когда она опустила микрофон, на секунду-другую воцарилась ошеломленная тишина, а затем собравшиеся завсегдатаи начали хлопать.

И аплодировать.

И вставать.

Все.

Ранма покраснела сильнее, чем думала, и, чтобы скрыть это, отвесила толпе глубокий поклон.

– Спасибо, – прошептала она в микрофон, прежде чем вернуть его в маленький зажим на вершине подставки. Мэй и Юи тоже зааплодировали, а Хана вышла из-за барной стойки, чтобы встретить Ранму, когда та спускалась со сцены. Ранма посмотрела на нее с обеспокоенным выражением лица. – Прости, я знаю, что не должна была делать этого во время работы, Мэй попросила меня...

Она замолчала, когда Хана остановила ее, подняв руку.

– Ранко... милая, это было... ты просто невероятна. – Она протянула руки и заключила свою подопечную в поздравительные объятия. Только сейчас толпа закончила хлопать и вернулась к еде и напиткам. Ранма не могла этого слышать, но больше половины разговоров за столиками были посвящены тому, что они только что услышали.

Юи ухмыльнулась Ранме, когда Хана отпустила ее, подпрыгнула и села на угол барной стойки.

– Будешь продолжать в том же духе, Ранко Тендо, и все будут знать твое имя.

Ранма нервно сглотнула. Не только они не знают моего имени, но и ты не знаешь, подумала она про себя, и ее радость от восхищения немного угасла в стыде.

Впрочем, времени на размышления у нее не было, потому что Мэй швырнула ей поднос обратно, как фрисби.

– Ваша публика ждет, мисс Тендо. – Усмехнувшись и покраснев, Ранма направилась к ближайшему столику.

Каждый столик, который она посещала, вызывал одинаковые эмоции. Все наперебой хвалили ее пение и обслуживание. Женщины с девичника достали фотоаппарат Полароид и попросили Ранму сфотографироваться с ними. Ранма попятилась, но Мэй подошла к ним сзади и забрала камеру.

– Теперь все улыбайтесь! – Ранма была поражена тем, как легко она подчинилась.

Вскоре после этого был объявлен последний заказ, и клиенты начали выходить. Ранма обходила столики вслед за ними, собирая чеки и пустую посуду. Она не переставала думать о том, что сказала Юи. Все будут знать твоё имя. Как такое может быть, если никто ее не знает? Неделю назад она оставила имя Ранма Саотоме и - она надеялась - весь багаж, который с ним связан. Все драки. Все предложения. Все драмы. Она больше не хотела ничего из этого. Она просто хотела получить шанс жить. Найти способ, вернуться в свое мужское тело было все еще мечтой, но уже не такой решительной, как с тех пор, как она покинула дом Тендо. Возможно, дело было в том, что время лишило ее надежды, но она не была уверена, что часть из них не заключалась в том, что она открыла для себя счастье и независимость в роли Ранко, которая не была известна как Ранма и, возможно, никогда не будет известна. И все же она жила во лжи, и знала это.

Ранма мельком увидела себя в зеркальной стене за витриной со спиртным, когда выносила пустые стаканы. Она остановилась, чтобы рассмотреть себя. Синяка на лице уже не было. Волосы свисали свободными волнистыми локонами через правое плечо, все еще сохраняя некоторую форму от того, что их годами заплетали в косу. Платье было совсем не то, что она могла бы надеть до того, как это случилось. На Ранме Саотоме оно смотрелось бы нелепо, но, как только она перестала думать о нем как о мальчике, она обнаружила, что Ранко оно идет гораздо больше. На самом деле Ранма не была уверена, что Аканэ узнает ее, если войдет в дверь прямо сейчас. Она просто стояла по-другому - в ее позе чувствовалось спокойствие, а не

вечный стыд последних нескольких месяцев.

Все это было ложью. Это было не по-настоящему. Ничего не было настоящим. Она не была Ранко, она не была девушкой, она была... Она покачала головой, вздыхая. Может быть, это и не было реальностью, но какой-то голос внутри нее, тот, который не заботился о платьях так же сильно, как об объятиях и поддержке друзей, хотел, чтобы это было так. В этот момент ей захотелось, как бы нелепо это ни было, стереть свое прошлое и сделать ложь правдой, чтобы никогда не потерять первое настоящее признание, которое она когда-либо обрела.

Она сжала кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Тот день на горе повторялся в ее голове. В тот день ее жизнь, которую она знала, закончилась навсегда. Когда отношения с Аканэ стали невозможны, и когда она поняла, что больше никогда не сможет принять форму, отличную от той, в которой пребывала сейчас. Когда она больше не чувствовала, что ей есть место в Нериме, а Генма и Соун больше не смотрели на нее с той гордостью, что была раньше. Это был день, когда умер мальчик по имени Ранма Саотоме.

И если Ранма умер, то чьей жизнью она жила теперь? Уж точно не его - в этом платье, на этой сцене, с этими женщинами он бы ни за что не умер. А девушка в зеркале не могла придумать, чего бы ей хотелось больше. Только воспоминания о мальчике, которым она когда-то была, не позволяли ей наслаждаться жизнью, которую она строила, мучительно, кирпичик за кирпичиком. Она не использовала ни свои старые трюки, ни боевые навыки, ни старые связи. Все хорошее, что она испытала за последние несколько дней, было создано стройными женскими руками, которые она теперь называла своими, возможно, навсегда. Этот новый человек заслужил то счастье, которое она сейчас испытывала, своим собственным обаянием, своей добротой, своей трудовой этикой и целеустремленностью. Он принадлежал ей, и это не казалось ложью. Ему же достались навыки боевых искусств, невеста (или четыре), жилье и все остальное. Ранма даже половину домашних заданий не делал сам, а Набики получила от него больше, чем несколько новых пар обуви за одни только уроки математики. Он ничего не знал о своей прежней жизни. Но то немногое, что было у этого нового человека, принадлежало ей. Это было ее, и это было настоящим, и она заслуживала этого, и она хотела этого. Теперь она знала, что нужно сделать.

– Хана, могу я отлучиться на несколько минут?

Хозяйка бара кивнула.

– Конечно, Ранко. – В глазах девушки читались глубокие мысли, и она решила, что пережитое на сцене повлияло на нее сильнее, чем она думала. Ранма протиснулась в двери салуна, поднялась по лестнице и распахнула дверь в маленькую квартирку, которую она занимала. Она подняла корзину с бельем и порылась в ней в поисках своих черных брюк. Найдя их, она сунула руку в карман и вытащила хорошо поношенный мужской кожаный бумажник.

Дрожащими руками она открыла его и достала свою студенческую карточку. Она пристально посмотрела в глаза своего мужского «я» на маленькой квадратной фотографии, когда села на кровать. Она просмотрела адрес, имя, название школы, контактную информацию на случай чрезвычайных ситуаций. Все это не соответствовало ее жизни ничуть не больше, чем фотография. Казалось, что это было целую вечность назад. Чья-то чужая жизнь.

Она посмотрела на голубую карточку в своей руке, вслух обращаясь через глаза к своему бывшему телу на фотографии, словно к спиритической доске. «Мне очень жаль. Мне очень жаль. Я пыталась. Клянусь, я пыталась». Из ее глаз потекли слезы, но не обязательно грустные.

– Я боролась с этим так упорно, как только могла, так долго, как только могла, и из-за этого потеряла все, что мне было дорого.

Она встала, медленно и решительно направилась к маленькой газовой плите и зажгла под чайником огонь. Она снова посмотрела в свои собственные глаза на бумаге, слегка повернув карточку. На ее глянцевом покрытии появился отблеск от потолочного светильника, в котором отразилось ее лицо.

– Я пронесла тебя так далеко, как только могла. Твой призрак топит нас обоих. Я больше так не могу. Я заслуживаю жизни.

Она тяжело сглотнула, и по ее щеке скатилась слеза.

– Мне жаль, что я не смогла спасти тебя. Мне жаль, что у тебя не было шанса. Но теперь у меня есть шанс, настоящий шанс, и только в этот раз я решила спасти себя. Я должна. – Она напряглась, пытаясь убедить девушку, глядящую на нее в зеркало. – Я желанна, я ценна, и у меня есть люди, которым я небезразлична. – Она слегка улыбнулась. Юи была права: это немного помогло.

Чайник засвистел, и она взяла его с конфорки, поставив на холодную конфорку рядом. Пар обжигал кожу, но уже не вызывал того чувства стыда, что раньше.

Она протянула руку вперед, позволяя уголку маленькой голубой карточки соприкоснуться с пламенем конфорки, и та затрещала. Она быстро выронила ее, чтобы не получить ожог, и наблюдала, как она начинает сморщиваться и чернеть. Она всхлипнула, и из ее глаз одновременно потекли слезы печали и облегчения, когда последний уголок карты превратился в пепел.

Звон будильника, стоящего у кровати, возвестил о наступлении полуночи. Она оглянулась на зеркало, вытерла слезы и улыбнулась своему отражению.

– С днем рождения, Ранко.

<http://tl.rulate.ru/book/102138/4448257>